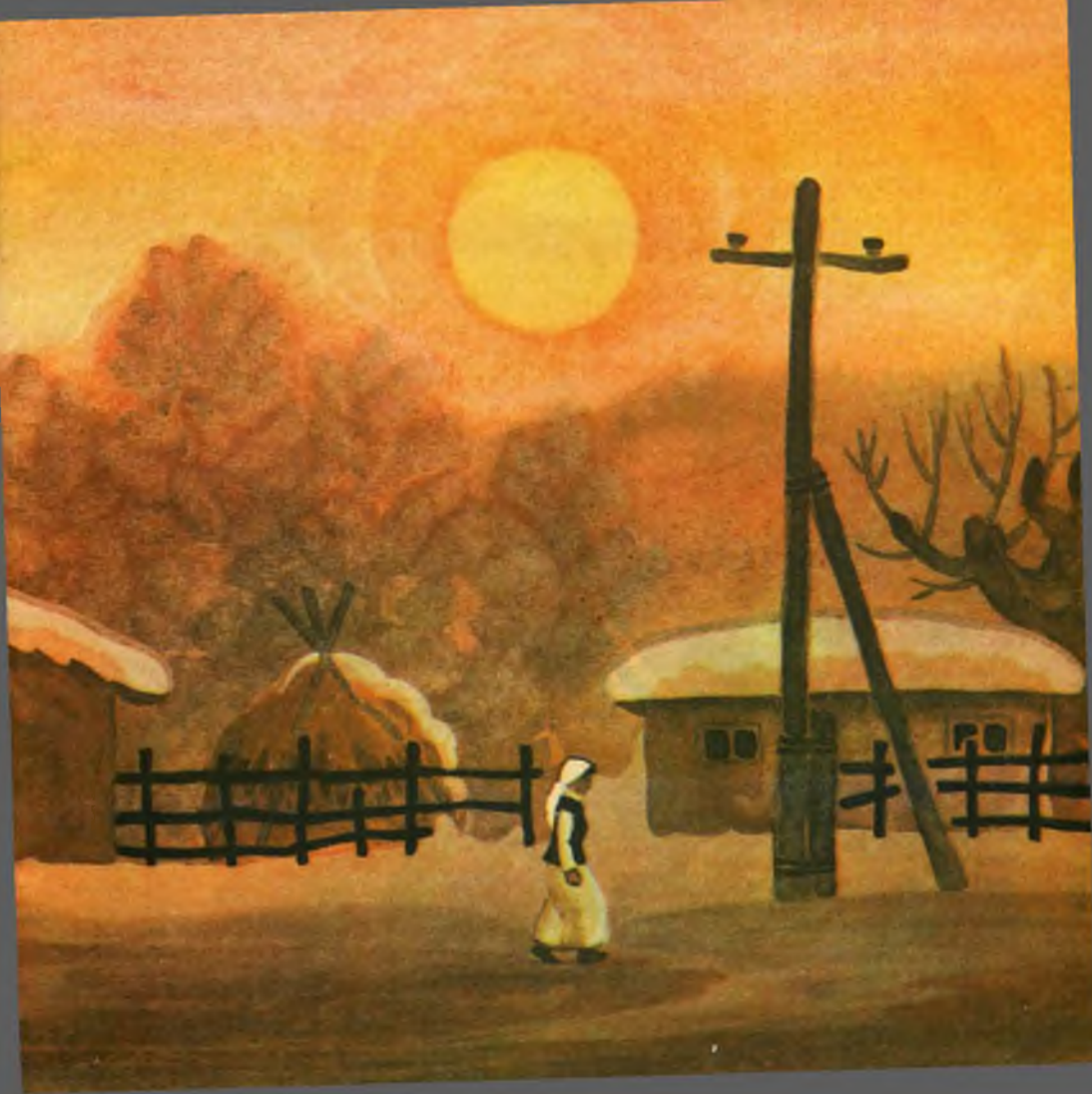




Ч. АЙТМАТОВ

Солдатёнок





ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ

Солдатёнок

Рассказ



ФРУНЗЕ «МЕКТЕП» 1984



КИНО

Первый раз он увидел отца в кино. Тогда он был малышом лет пяти.

Произошло это в той большой белой кошаре, где каждый год проводят стрижку овец. Кошара эта, покрытая шифером, и поныне стоит за совхозным посёлком, под горой, у дороги.

Сюда он прибегал с матерью. Его мать, Джеенгуль, телефонистка почтового отделения в совхозе, каждое лето с началом стригального сезона устраивалась подсобной работницей на стригальном пункте. Для этого она брала свой отпуск и отгул за сверхурочные дни и ночи, проведённые у коммутатора во время посевной и окотной кампаний, и работала здесь до последнего дня стрижки. Оплата на стрижке сдельная, тут можно было неплохо заработать. А для неё, солдатской вдовы, ой как нужна была каждая лишняя копейка! Хотя семья и невелика — сама да сын, но всё одно: семья есть семья — топливо надо запасти на зиму, муки надо купить, пока не вздорожала, придеться надо, обуться... Да и мало ли чего надо...

Сына оставлять дома было не с кем, и потому она брала его с собой на работу. Здесь он и бегал целыми днями, чумазый и счастливый, среди стригалей, чабанов и лохматых пастушьих собак.

Он первым увидел, как во двор кошары приехала кинопередвижка, и первым пустился оповещать всех об этом чрезвычайно радостном событии:

— Кино приехало! Кино!

Картину начали показывать после работы, когда стемнело. А до этого он просто истомился от ожидания. Но зато муки его были вознаграждены. Фильм был про войну. На белом полотнище, повешенном между двумя столбами в конце кошары, началось сражение, загрохотали выстрелы, со свистом взмывали ввысь ракеты, добела освещая истерзанную всполохами тьму и приникших к земле разведчиков. Ракеты гасли, и разведчики снова бросались вперёд. А пулемёты строчили среди ночи так, что у мальчика дух занимался. Вот это была война!

Они с матерью примостились на тюках шерсти, позади других. Отсюда было виднее. Ему, конечно, хотелось сидеть в самом первом ряду, там, где подле экрана устроились на полу прибежавшие из совхоза ребяташки. Он, было, кинулся к ним, но мать одёрнула:

— Хватит, носишься с утра до вечера, побудь со мной, — и усадила его к себе на колени.

Киноаппарат стрекотал, война шла. Люди напряжённо следили за ней. Мать вздыхала, порой ис-

пуганно вздрагивала и крепче прижимала его к себе, когда танк метил прямо в них. Какая-то женщина, сидевшая рядом на тюках, то и дело горестно цокала языком и бормотала:

— Боже мой, что творится, боже мой!..

А ему было не очень страшно, напротив, иногда даже очень весело, когда падали фашисты. А когда падали наши, ему казалось, что они потом встанут.

Вообще-то забавно падают люди на войне. Точь-в-точь как они, когда играют в войну. Он тоже умеет так падать, с разбегу, будто дали тебе подножку. Больно, правда, расшибаешься, но ничего, встанешь — и снова в наступление, и забудешь об ушибах. А эти не встают, остаются лежать на земле тёмными неподвижными бугорками. Он умел падать и по-другому, как те, кому пуля попадала в живот. Они падают не сразу, сперва схватятся за живот, потом согнутся и медленно валятся на траву, роняя из рук оружие. После этого он объявлял, что не убит, и снова воевал. А эти не поднимались.

Война шла. Киноаппарат стрекотал. Теперь на экране появились артиллеристы. Под шквальным огнём, среди взрывов и дыма, они выкатывали противотанковое орудие на прямую наводку. Они толкали орудие вверх, по склону оврага. Склон был долгий и широкий, почти вполнеба. И по этому долговому и широкому склону, вскипающему чёрными всплесками взрывов, двигалась кучка артиллеристов. В их движении, в их облике было нечто такое, отчего





сердце гудело в груди, переполнялось гордостью, болью и ожиданием страшного и великого. Их было человек семь. Одежда на них тлела. Один из артиллеристов обличьем не походил на русского. Быть может, мальчик и не обратил бы на него внимания, если бы не мать. Она шепнула:

— Смотри, это твой отец...





И с этой минуты он стал его отцом. И весь фильм потом был про него, про его отца. Отец оказался совсем молодым, как молодые совхозные парни. Роста он был небольшого, круглолицый, с быстрыми глазами. Глаза его зло сверкали на чёрном от грязи и дыма лице, и весь он был цепкий и стремительный, как кошка. Вот он, подпирая плечом колесо пушки, обернулся и крикнул кому-то вниз: «Снаряды! Не задерживай!» И голос его перекрыло грохотом нового взрыва.

— Мама, это мой отец?— переспросил Авалбек у матери.

— Что?— не поняла она.— Сиди тише. Смотри.

— Ты же сказала, что он мой отец.

— Да, конечно, твой отец. Только ты не разговаривай, не мешай другим.

Почему она так сказала? Зачем? Возможно, просто так, случайно, не подумала в ту минуту, возможно, разволновалась, вспомнила мужа. А он, несмышлёныш, поверил. И очень обрадовался, растерялся от этой неожиданной и незнакомой ему радости и по-детски возгордился им, своим отцом, солдатом. Вот это настоящий отец! Это он и есть, его отец, а мальчишки дразнят, что у него нет отца. Пусть увидят они теперь его отца, и чабаны пусть увидят! Эти чабаны, скитальцы гор, никогда толком не знают ребят. Он им помогает загонять отары во двор стригального пункта, он разгоняет их собак, когда те дерутся, а они донимают его расспросами.

Каждый чабан, сколько их есть на свете, обязательно спросит:

— Ну, джигит, как же тебя звать?

— Авалбек.

— Чей же ты будешь?

— Я сын Токтосуна!

Чабаны не сразу понимают, о ком речь.

— Токтосуна?— нагибаясь с седла, переспрашивают они.— Это какого же Токтосуна?

— Я сын Токтосуна,— твердит он.

Так велела отвечать мать, и слепая бабушка наказывала не забывать имя отца. Она уши надила ему за это. Злая...

— А-а, постой, постой, так ты сын телефонистки, что на почте, так ведь, а?

— Нет, я сын Токтосуна!— продолжает он стоять на своём.

И тогда чабаны начинают догадываться, в чём дело.

— Верно, ты и есть сын Токтосуна! Молодец! Это мы просто испытать тебя решили. И не обижайся, джигит, мы круглый год в горах, а вы тут растёте, как трава, трудно узнавать детвору.

И потом они между собой долго припоминают его отца. Перешёптываются, говорят, что он совсем молодым ушёл на фронт и многие уже не помнят его. И хорошо, что остался сын, а сколько ребят ушли холостыми, и некому теперь носить их имя!

А теперь, с той минуты, как мать шепнула ему:



«Смотри, это твой отец», солдат на экране стал его отцом. И мальчик уже думал о нём, как о своём отце. Он действительно чем-то очень походил на военную фотографию отца; молодого солдата в пилотке. На ту самую фотографию, которую они потом увеличили и повесили в рамке под стеклом.

А в тот час Авалбек смотрел на отца глазами сына, и в его детской душе поднималась горячая волна неизведанной сыновней любви и нежности. Отец на экране словно бы знал, что за ним следит сын, и словно бы хотел за свою мгновенную жизнь в кино показать себя таким, чтобы сын вечно помнил о нём и вечно гордился им — солдатом минувшей войны. И война с этой минуты уже не казалась мальчику забавной, и ничего смешного не было в том, как падали люди. Война стала серьёзней, тревожней, страшней. И он впервые испытал чувство страха за близкого человека, за того человека, которого ему всегда не хватало.

Киноаппарат стрекотал, война шла. Впереди показались наступающие танки. Они грозно надвигались, кромсая землю гусеницами, и, разворачивая башни, с ходу стреляли из пушек. А наши артиллеристы, выбиваясь из сил, тащили орудие наверх. «Скорей, скорей, папа! Танки идут, танки!» — торопил отца сын. Наконец пушку выволокли, вкатили в кусты орешника и начали палить по танкам. А танки палили в ответ. Их было много. Жутко становилось.

Сыну казалось, что и сам он там, рядом с отцом, в огне и грохоте войны. Он подпрыгивал на коленях матери, когда танки горели чёрным дымом, когда гусеницы их слетали с колёс, когда они слепо и злобно кружились на одном месте. Он притихал, собирался в комок, когда падали наши солдаты у орудия. Их становилось всё меньше и меньше... А мать плакала, лицо её было мокрым и горячим.

Киноаппарат стрекотал, война шла. Бой разгорался с новой силой. Танки подходили всё ближе и ближе. Пригнувшись у лафета, отец яростно и громко что-то кричал в трубку полевого телефона, но ничего нельзя было разобрать в грохоте. Вот упал ещё один солдат у орудия; он пытался встать, но не мог, ткнулся в землю. И земля почернела от его крови. Вот они остались только вдвоём — отец и ещё один солдат. Они дали ещё один выстрел, затем два подряд. Но танки наседали. Вот ухнул ещё один снаряд — подле пушки. Взрыв. Огонь и тьма. С земли поднимается теперь только один, это его отец. Он снова кидается к орудию. Сам заряжает, сам наводит. Это последний выстрел. Снова взрыв окутывает экран. Пушку отца искорёжило и отбросило в сторону. Но сам он ещё жив. Он медленно встаёт с земли и идёт, обгоревший, в дымящихся клочьях одежды, навстречу танку. В руках у него граната. Он уже ничего не видит и не слышит. Он собирает в себе последние силы.



— Стой, не пройдёшь!— Он замахивается гранатой. И замирает на секунду в этой позе, с искажённым от ненависти и боли лицом.

Мать так сильно стиснула сыну руку, что он чуть не задохнулся. Он хотел вырваться и броситься к отцу, но из дула танка плеснула длинная пулемётная очередь, и отец упал, как срубленное дерево. Он по-





катился по земле, пытался встать и снова упал навзничь, широко раскинув руки...

Киноаппарат смолк, война оборвалась. Это был конец части. Киномеханик включил свет, чтобы перезарядить ленту.

Когда в кошаре вспыхнул свет, все зажмурились и заморгали глазами, возвращаясь из мира кино, из войны в свою реальную жизнь. И в этот момент мальчик скатился с тюков шерсти с ликующим криком:

— Ребята, это мой отец! Вы видели? Это моего отца убили...

Никто такого не ожидал, и никто не мог сообразить, что произошло. А мальчик бежал с торжествующим криком к экрану, где в первых рядах сидели друзья-мальчишки, мнение которых было для него самым важным. На короткое время в кошаре воцарилась странная, неловкая тишина. До людей пока не доходил нелепый смысл радости этого маленького человека, никогда прежде не видевшего своего отца. Никто ничего не понимал, все растерянно молчали и пожимали плечами. Киномеханик выронил из рук коробку от киноленты. Она звякнула и покатилась, разделившись на две половинки. Но никто не обратил на это внимания, и сам киномеханик не бросился поднимать. А он, солдатёнок, сын погибшего солдата, продолжал доказывать своё:

— Вы же видели, это мой отец!.. Его убили!— говорил он, возбуждаясь тем больше, чем дальше



молчали люди, и не понимал, почему они не радовались и не гордились его отцом так же, как он.

Кто-то из взрослых недовольно шикнул:

— Ч-ч, перестань, не говори так.

Но другой ему возразил:

— А что такого? Его отец погиб на фронте. Не правда, что ли?

И тогда соседский мальчишка, школьник, первым решился сказать ему правду:

— Да это не твой отец. Что ты кричишь? Вовсе не твой отец, а артист. Спроси вон у дяди-киномеханика.

Взрослые не хотели лишать мальчишку его горькой и прекрасной иллюзии, и потому они надеялись, что приезжий киномеханик запросто скажет всё, как есть. Все обернулись к нему. Но и тот промолчал. Уткнулся в аппарат, будто занятый очень.

— Нет, мой отец, мой!— не унимался солдатёнок.

— Какой твой отец? Который?— снова заспорил соседский парнишка.

— Он шёл с гранатой на танк. Ты разве не видел? Он упал вот так!

Мальчик бросился на землю и покатился, показывая, как упал его отец. И сделал это в точности, как было. Он лежал перед экраном навзничь, широко раскинув руки.

Зрители невольно рассмеялись. А он лежал, как убитый, и не смеялся. Снова наступила неловкая тишина.

— Да что же это, куда же ты смотришь, Джеенгуль?— с упрёком проговорила старая женщина-чабан, и все увидели, как мать шла к сыну, скорбная и строгая, со слезами на глазах.

Она подняла сына с земли.

— Пойдём, сынок, пойдём. Это был твой отец,— тихо сказала она ему и повела его за собой из кошары.

Луна стояла уже высоко. В тёмно-синей ночной дали белели горные вершины, а степь внизу лежала громадная и непроглядная, как омут...

И только теперь, впервые в жизни, он познал горечь утраты. Ему вдруг стало до невозможного обидно, больно, горестно за убитого в бою отца. Ему вдруг захотелось обнять мать и заплакать, и чтобы она плакала вместе с ним. Но она молчала. И он молчал, сжав кулаки, сглатывая слёзы.

Он не знал, что с этого часа в нём начал жить отец, давно погибший на войне.







84.58 Кх 7
А 38

Для младшего школьного возраста

Художник Ю. Ким

Айтматов Ч.

А 36 Солдатёнок: Рассказ. [Для мл. школ. возраста] / [Худож.
Ю. Ким]. — Ф.: Мектеп, 1984. — 24 с., ил.

4803010200—120
А-----176. 84
М 452 (17)—84

ББК 84. 98 Кн 7

© Оформление. Издательство «Мектеп», 1984 г.

Чингиз Тореккулович Айтматов

Солдатёнок

Рассказ

Для младшего школьного возраста

Редактор В. Мединская
Художник Ю. Ким
Художественный редактор Ж. Карыппаев
Технический редактор Р. Мукамбетова
Корректор Л. Михалкова

ИБ № 2833

Славо в набор 24.05.84. Подписано к печати 10.10.84. Формат бумаги 70×90¹/₄.
Бумага офсетная № 1. «Литературная» гарнитура. Фотонабор. Печать офсетная.
2,0 физич. печатных листа, 2,34 условн. печатных листа, 2,48 учётно-издатель-
ских листа. 10,53 усл. кр.-отт. Тираж 200000, (1-ый завод 1—100000 экз.)
Заказ № 2111 Цена 20 коп. Переп. № 7 60 коп.

Издательство «Мектеп».

720361, ГСП, Фрунзе, ул. Советская, 170.

Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР Госкомиздата
Киргизской ССР.

720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102.